

Вышивка гладью в стиле кубизма

Выставка Маревны в Третьяковской галерее

Во внушительном списке выставок, на которых можно было увидеть художницу Маревну, лишь две проходили в нашей стране – “Русский Париж” в Русском музее и выставка коллекции Цетлиных в Третьяковской галерее. Тогда впервые в России было показано несколько ее картин. После десятка персональных выставок в Париже, Лондоне и Женеве наконец настал бенефис Маревны в Москве. Третьяковская галерея представляет ее полотна из музея “Пти Пале” в Женеве и частных собраний столицы.

В “Некрополе” Владислав Ходакович, говоря о писательнице Нине Петровской, обрисовывает некий творческий психотип, который, безусловно, существовал и будет существовать во все времена, но представителями которого было особенно богато начало XX века. “Дар литературный ее был невелик, дар жить – неизмеримо больше... Она сделала из жизни бесконечный трепет, из творчества – ничего. Искуснее и решительнее других она создала поэму из своей жизни”. Это высказывание очень точно описывает и судьбу Маревны.

Мария Воробьева-Стебельская рано осознала себя творческой личностью. С пятнадцати лет она посещала школу изящных искусств в Тифлисе, затем поступила в Строгановское училище в Москве. Но уже на следующий год уехала в Италию, побывав в Риме и у Горького на Капри, где и обрела броское имя, сделавшее ее творческим псевдонимом.

После Италии Маревна отправилась в Париж. Она обладала эффектным именем и кипучей творческой энергией. Немало для девушки двадцати лет. Впрочем, полагаю, что, говоря “творческая энергия” в отношении Маревны, надо подразумевать не живопись, которой она неистово занялась в Русской академии М.Васильевой, академиях И.Зулоаги и Ф.Колароси, а именно стремительный жизненный поток, который захватил ее и понес. Маревна счастливо нашла среду, которая была в абсолютной

гармонии с ее веселым, общительным характером. Ее живость и непосредственность, смелость и некоторое – вполне простительное – самообольщение прекрасно передает ее книга “Жизнь в двух мирах”. Художнический быт и бесконечные сборы в кафе “Ротонда” на Монпарнасе, регулярные посещения толпой художников дома коллекционеров Цетлиных, розыгрыши и дуракавалыние – многое, описанное Маревной, в общем, известно, хотя бы по знаменитой книге Эренбурга “Люди, годы, жизнь”, но бойкость и легкость ее слога гораздо живее передают ритм монпарнасской художественной жизни.

В Париже Маревна стала работать в духе кубизма. Впрочем, как еще она могла работать, живя в Париже и не обладая выраженной творческой индивидуальностью? Мария Стебельская, по-видимому, не особенно пыталась постичь суть пластического языка кубизма и сложные законы разложения формы. Две ее кубистические работы 1910-х годов, показанные на выставке, не дают ясного представления о ее творчестве того времени. Зато с двадцатых годов она начинает работать в своеобразной манере, которой не изменяет до конца творческого и жизненного пути. В ней соединяются пуантилизм, кубизм и примитивизм – в известной степени и в известных пропорциях. Работы 1920-х и 1960-х принципиально друг от друга не отличаются и никак не демонстрируют эволюции художницы. В этом смысле творчество Маревны представляется невероятно цельным и ясным, без взлетов и падений – и очень узнаваемым.

Уже в 1910-е годы у юной россиянки появились почитатели. Несколько картин приобрели коллекционеры и маршансы. Но в следующее десятилетие художница испытывала материальные трудности, что заставило ее заняться ручным ткачеством, изготовлением поясов и тканей на грузинские мотивы, выполняя заказы для купюрье, в частности, для Поля Пуаре.

С пятидесятых годов Маревна

начала воздвигать себе прижизненный памятник. Как раз к этому времени все описанные ею в мемуарах люди искусства стали почти классиками, поэтому упустить возможность и не определить раз и навсегда свое место в истории искусства вообще и в “парижской школе” в частности было нельзя. Она написала три книги воспоминаний – “Жизнь в двух мирах”; “Жизнь с художниками “Ля Рюш” (“Улья”) и “Воспоминания кочевницы”, в которых рассказала о своей жизни “среди великих”. Организовала несколько персональных выставок,

активно участвовала в групповых. Но для большей наглядности она создала целый ряд громадных полотен-посвящений своим монпарнасским друзьям, одиночных и групповых портретов, в котором и себе отвела скромную роль. “Одна из Них”. В этом сказались ее несомненная житейская прозорливость и способности к пиару.

К открытию выставки вышла в свет одна из книг воспоминаний Маревны “Жизнь с художниками “Ля Рюш”.

Юлия ДЪЯКОНОВА

Маревна. “Плакальщица на зеленом”. 1954 г.

Рубльтура. - 2004. - 21-27 стр. - с. 10